

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)
alexpetrov72@mail.ru

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА РУДАКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)
rudakovamasu@mail.ru

МИФ О ЦАРЕУБИЙСТВЕ 11 МАРТА 1801 ГОДА В СТИХАХ С. С. БОБРОВА

Рассматриваются три поэтических духовных и исторических произведения С. С. Боброва (одно из малоисследованных авторов рубежа XVIII–XIX веков), посвященные мотиву царевубийства 11 марта 1801 года: «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославию», «Ночь» и «Торжественное утро. – Марта 12 1801 года». Рассмотрены вопросы историософии, а также основные историософемы и мифологемы, использованные автором. Бобров – один из немногих поэтов указанного периода, кто осмелился писать о мартовских трагических событиях, о которых большинство даже думать боялось (создал триптих об убиенном императоре Павле I). Его произведения отличаются тем, что в них совмещены традиционные для высоких жанров историософемы, например Всеблагое Провидение, покровительствующее России, с трагическими неблагами реалиями русской истории. Как показано в статье, Боброву удалось осуществить подобное благодаря введению в текст Творящего духа. Созданная поэтом целостная историософская концепция обогатила литературу начала XIX века поэтикой «страшного» и «таинственного».

Ключевые слова: историософия, Бобров, историософемы, духовидец, мифопоэтика, мифопоэтика

Для цитирования: Петров А. В., Рудакова С. В. Миф о царевубийстве 11 марта 1801 года в стихах С. С. Боброва // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.437

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Семена Сергеевича Боброва (1765–1810), поэта рубежа XVIII–XIX веков, было и остается малоизученным [4], [5], [8]. Мы выбрали небольшую лакуну, актуальную в свете современных исследований мифопоэтики. Связана она с духовидческими и историософскими стихами Боброва о царевубийстве 11 марта 1801 года. Бобров был одним из немногих авторов того времени, кто вообще осмелился писать о мартовском перевороте. Атмосфера тайны и молчания вокруг царевубийства, «историческая пустота», неожиданно возникшая в общественном сознании на месте пятилетнего, всем памятного правления, табу на само имя императора Павла I – все это слишком очевидное «человеческое» насилие над историей не могло не привлечь внимания поэта, обладавшего экзальтированным воображением и знанием о надчеловеческой, сверхисторической природе земных событий [5], [8].

В манифесте о вступлении Александра I на престол, составленном Д. П. Трошинским, современникам и потомкам были заданы определенные – мифологизирующие – параметры

восприятия случившегося: вмешательство Божественной воли в ход истории («Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего <...>»); представление власти как бремени и долга («да подаст нам силы (Бог. – А. П., С. Р.) к снесению бремени, ныне на нас лежащего»); установление новых, прерванных смертью Павла властных отношений. Легитимность восшествия на престол обосновывалась двояко: *династически*, по закону («восприемля наследственно императорский всероссийский престол»), но особенно некими *духовными*, более крепкими, нежели кровнородственные, *связями*, существовавшими якобы между «августейшей бабкой» и внуком, который намеревался шествовать «по ее премудрым намерениям» [11: 477]. Известные слова из манифеста о том, что править новый монарх будет «по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великия», были восприняты Бобровым буквально.

Свой особый взгляд на события 11–12 марта 1801 года поэт-духовидец отразил в трех стихотворениях: «Глас возрожденной Ольги к сыну

Святославию»¹ (52–58), «Ночь» (73–78) и «Торжественное утро. – Марта 12 1801 года» (84–91) (все написаны в 1801–1804 годах). В двух стихотворениях – «Торжественном утре...» и «Гласе возрожденной Ольги...» – излагается один и тот же историософский сюжет о прямой передаче власти Александру «почившей в бозе» Екатериной, точнее, ее «духом». В третьем поэт описывает роковую ночь, смерть государя, пытаюсь найти мистическое, сверхисторическое объяснение фактам реальной политики, забвению самого имени императора Павла, образ которого предстает в «Рассвете полночи...» исключительно в перифрастических оборотах.

Новый властитель может, конечно, приказывать подданным забыть о своем предшественнике; историческая наука вполне в состоянии этот приказ выполнить; а вот на долю литературы (искусства) часто выпадает создание самих механизмов стирания культурной памяти либо – и разницу здесь увидеть практически невозможно – ее сохранения в условиях, для этого малоподходящих и даже опасных. Художественная историософия со свойственными ей метафоричностью и символичностью образов, выборочностью описываемых ситуаций и деятелей, субъективностью и даже произвольностью авторской позиции оказывается иногда единственно допустимой формой исторической рефлексии [6], [7].

В «Торжественном утре...» Бобров реанимирует жанр оды «на день восшествия на престол», и помогает ему в этом... *дух Екатерины*. Последний «низлетает» «на розовых зари крылах» с «небесных гор» в «царственный чертог» и начинает беседу с Александром:

«Возстани, – тень рекла, – мой внук!
Возстани! – для тебя небесный
Теперь оставила я кров,
Да возвещу, что рок чудесный
Творит на глас Отца духов» (85).

Беседы покойных монархов со своими преемниками, явления духов и теней вошли в образный строй оды задолго до Боброва. В качестве топосов они закрепились в ранних одах Ломоносова; новый виток интереса к ним возник вместе с проникновением в русскую литературу оссианизма (достаточно вспомнить здесь стихотворения Державина о Потемкине и Суворове) [2], [3], [9], [10]. У Ломоносова почивших российских властителей, пребывавших в ином, «горнем» мире, представлял обычно дух Петра I. Так, в оде 1742 года он вместе с духом Екатерины I смотрит «с высот» на свою «дщерь», предсказывая ей славу и обещая помощь свыше. В складывавшемся одическом каноне «духу Петрову» была отведена роль сакрального покровителя России, следящего также и за процветанием рода Романовых [1], [2], [9].

Непосредственным источником рассматриваемого мотива в «Торжественном утре...» могла

послужить ломоносовская интронизационная / новогодняя ода 1761 года. Там отходящая в вечность Елизавета вручала народ и отечество новому императору – Петру Феодоровичу. Ломоносовым были описаны даже момент отделения души от тела:

«Освободясь от части тленной
Восходит к жизни непрерывной»², –

и «небесный кров», где душу Елизаветы встречали «дух Петров» и «преславные предки». Все эти мотивы с особой тщательностью будут разработаны Бобровым в его духовидческих стихотворениях.

Соединяя в монологе *духа Екатерины* «общие места» предшествующей одической традиции, поэт выдвигает на первый план мотив *оправдания* нового властителя. Вполне естественно, что апеллирует *дух* к сверхисторическому, открытому только ему знанию:

«Почто вздыхать? – Твой путь пред нами
Сам Божий оправдал совет. –
Гряди на трон, куда в дни прежни
Вела тебя душа моя!
В тебе возстанет Невский древний,
Возстанет ПЕТР, – встану я» (85).

Таким знанием *духи* и *тени* в ломоносовских и державинских одах не обладали. Наряду с другими сверхъестественными существами, например божествами античной мифологии, они являлись в первую очередь функцией, риторическим приемом замаскирования, посредством которого поэты «возносили» российских «героев» над обычными смертными. Так, у Державина риторическая основа монологов подобных персонажей, например Фелицы в «Видении Мурзы» или П. А. Румянцева в «Водопаде», является первичной. В стихотворениях Боброва явление духов балансирует на грани между *приемом*, *условностью* и *внехудожественной реальностью*, попыткой отобразить *бытие иного мира*.

Интересующий нас аспект – идея *творящего духа* как часть историософской концепции Боброва – представлен в монологе *духа Екатерины*, занимающем семнадцать из тридцати строф общего объема стихотворения. Со ссылкой на мысль Пифагора о переселении душ здесь говорится о возможности «слиянья» нескольких душ великих людей в одной, особенно достойной:

«Державный внук Мой! – в просвещенной
Душе твоей душа Моя
Найдет свой вечной храм нетленной <...>. Тебе священных теней лики
Приветствуют из сих гробниц;
И Невский князь, и ПЕТР Великий,
И Я – во образе зарниц
Сливаемся с твоей душею. –
Ты сим слияньем душ щастлив;
И Я – едва ль не верить смею,
Что в мыслях Пифагор правдив...» (87).

Небезынтересны размышления автора и его «героев» о некоем законе природы, по которому на свет рождаются «благие духи» («гении», «кометы»), то есть великие властители:

«<...> Природа долго, – долго млеет,
Чтоб сих комет на свет явить;
Летит тьма лет; – тут чреватее,
И силится Петров родить» (86).

Об этом «законе» поэт будет рассуждать и в других своих духовидческих произведениях, особенно подробно – в эонической оде «Столетняя песнь, или Торжество осмагонадесять века России» [б: 227–254].

В «Глазе возрожденной Ольги...» Бобров развивает ту же концепцию «выборочного» воплощения духа в «полубога», избранного «роком», но на материале начальной истории русского государства. «Два жителя Славянских», *Старец* и *Юноша*, слышат с небес стоны и голоса и узнают о преждевременной смерти князя Святослава Игоревича. К *Юноше*, который, судя по всему, является сыном князя, Владимиром Святославичем, обращается *тень княгини Ольги* и рассказывает о предстоящей ему властной миссии и даже о будущих российских «героях» XVII–XVIII веков.

Возможно, это первое в новой русской поэзии осмысление данного летописного сюжета. Однако для читателей рубежа XVIII–XIX веков, не отвыкших еще искать аллюзии и иносказания в произведениях на историческую тему, актуальный смысл стихотворения сводился, по-видимому, к мифоисторической аналогии, должной утвердить моральное, духовное право Александра Павловича на престол. Как и в «Торжественном утре...», *тень бабки* (здесь: княгини Ольги) передает власть *внуку*; аналогия подчеркнута повтором целых строф – наставлений правительниц своим наследникам.

Вот как княгиня X века наставляет своего внука, говоря ему об оставленном ею «чертеже небесном и священном, / Чтобы народ весь возродить». Речь идет о некоем завещании, связанном с дальнейшим «просвещением» Руси, то есть с введением христианства:

«Чертеж теперь Славянам лестен;
В нем целый дух мой помещен;
А дух душе твоей известен. –
Разгни его! – и Росс блажен.
Ты узришь в нем, что дар сладчайший,
Что Небо земнородным шлет,
Есть царь любезный, царь кротчайший,
Который свой народ брежет» (55–56).

А вот как императрица XVIII века рассказывает своему внуку о другом «чертеже» – «Наказе»:

«Чертеж мой для полсвета лестен;
В нем целой дух мой впечатлен;
А дух душе твоей известен;
Разгнешь его! – и Росс блажен;
В нем узришь ты, что дар краснейший,
Какой лишь небо смертным шлюет,

Есть Царь любезный, Царь святейший,
Который любит свой народ» (85).

Таких «параллельных» строф в стихотворениях наберется еще несколько. Сознательно Бобров вкладывал в уста российских властительниц одни и те же слова или же просто не хотел тратить время на поиски новых образов для описания схожих ситуаций – вопрос не праздный, но трудноразрешимый. Во всяком случае выбор для императора Александра I «двойника» по исторической судьбе – князя Владимира I, открывшего новую эпоху в жизни Руси / России, – должен был казаться поэту и его читателям символичным.

Немалое место занимает в «Глазе возрожденной Ольги...» тема смерти: о гибели древнерусского князя говорить в подцензурной литературе не возбранялось, при этом Святослав явно «замещал» Павла I:

«Тень Ольги вещающая внуку.

Владимир! – Ольги внук, Владимир
Тебе реку; – внемли! – в час гневный
Мой сын, – несчастный твой отец
Оставил в век сей дол плачевный,
Приял и дел и дней конец. –
Лишь Росс со мной на век простился;
И зреть меня он в нем не смел,
Как и того теперь лишился. –
Я зрела, – как он в твердь летел...

Да; – зрела я, как Печенеги
Изобретали страшный ков <...>» (55).

Смерть императора Павла подвигла Боброва на создание одного из самых ярких в русском предромантизме стихотворений о смерти властителя и о *роковом* в истории – «Ночь». Здесь «предшественником» российского самодержца выступает римский – Юлий Цезарь. В истории царствует закон повторения – эту мысль Бобров обосновывает, находя параллели между событиями 44 года до н. э. и 1801 года: природные знамения:

«Не такова ли ночь висела
Над Палатинскою Горой,
Когда над Юлием шипела
Скрыта молния под тьмой» (74–75),

мистика астрологических совпадений (оба заговора пришли на март):

«когда под вешним зодиаком
Вкушал сей вождь последний сон?» (75) –

внезапная смерть в расцвете сил, на пике успехов:

«Он зрел зарю; – вдруг вечным мраком
Покрылся в Капитолий он. <...>
<...> Ах! – нет его...
Его, – кому в недавны леты
Вручило небо жребий твой,
И долю дольней полпланеты,
И миллионов жизнь, покой, –
Его уж нет; – и смерть толкалась
То в терем, то в шалаш простой,

Хватает жертву улыбаясь
Железною своей рукой» (75–76).

Для читателя 1800-х годов тема смерти цезаря актуализировала, кроме того, мотивы предательства и цареубийства:

«Варяг, – проснись! – теперь час лютой;
Ты спишь; – а там... протяжный звон; –
Не внемлешь ли в сии минуты
Ты колокола смертный стон? –
Как здесь он воздух раздирает? –
И ты не ведаешь сего! –
Еще – еще он ударяет; –
Проснешься ли? – Ах! – нет его...» (75–76).

Все стихотворение, а вместе с ним и «триптих» о смерти императора Павла I подчинены раскрытию идеи о торжестве *рокового* в истории, о *случайном*, которое выражает Божественную волю. Сам Ангел смерти, «призрак крылатый», «медлит» и «отвращает» свой взор, не желая гибели властителя, которому небо вручило «жребий свой». «Но тайны рока непреложны», решение небес неумолимо, и причины его никому неведомы, поэтому «Ангел грозный», не смея противиться вышней воле, «совершает страшный долг». О «всемощном роке», «жребии», «часе судорожном полбогов», «гневном часе» постоянно рассуждают и персонажи «Гласа возрожденной Ольги...».

Боброву удалось достичь многого в создании особой эмоциональной атмосферы своих стихотворений, новой для русской поэзии, – атмосферы предчувствия некой ужасной тайны. Решая данную задачу, поэт талантливо пользуется суггестивными возможностями пейзажа. Последний занимает большую часть «Ночи», подчинен единой цели и при этом разнообразен. Несомненно, в стихотворении изображены реальные приметы холодной, дождливой петербургской ночи с 11 на 12 марта, известные по воспоминаниям современников:

«Звучит на башне медь; – час ночи; –
Во мраке стонет томный глас. <...>
Верьхи Петрополя златые
Как бы колеблются средь снов;
Там стонут птицы роковые
Сидя на высоте крестов» (73).

Однако документально точного, «реалистического» описания города в произведении нет. Все детали, которые относятся к петербургскому архитектурно-природному локусу, получают мистико-символическое наполнение и истолкование. Шпиль Адмиралтейства и кресты на церковных куполах – «колеблются средь снов»; вороны – «птицы роковые»; на башне «стонет томный глас» колокола; «Звезда Полярна» восходит над багровыми столпами, сыплющими «молний треск глухой»; «кровавая луна» скрывает свой «зрак» за «завесой облаков густых»,

«Слезится втайне и тускнеет,
Печальный мечет в бездны взгляд,
Смотреться в тихий Бельт не смеет» (74);

«огни блудящи» (огни св. Эльма) оставляют «червлёный след» во тьме и т. д. Появляются в стихотворении inferнальные мифологические существа: «Парки тощи», прядущие нить; «Ангел смерти»; шепчущиеся в тишине «толпящиеся тени».

«Сон мертвый с дикими мечтами
Во тьме над кровами парит;
Шумит пушистыми крылами;
И с крыл зернистый мак летит» (73).

Свои мрачные описания в золотисто-туманно-красно-черной гамме автор подытоживает восклицанием:

«О муза! – толь виденья новы
Не значат рок простых людей,
Но рок полубогов суровый» (74).

Одновременно Бобров-поэт пытается рационально объяснить свои иррационально-суггестивные образы. Думается, это общая черта художественного мышления ранних русских предромантиков, осознавших, что загадочное в жизни существует, но еще верящих в то, что все тайны открыты для разума. Так, Бобров заставляет осмыслить происшедшее того, кто уже покидает мир земной и идет на «зов» Творца – Павла I:

«Ах! – нет его; – он познавает
В полудни ранний запад свой;
Звезду полярну забывает,
И закрывает взор земной. –
«Прости! – он рек из гроба, мнится, –
Прости, земля! – приспел конец! –
Я зрю, – трон вышний тамо рдится!..
Зовет, – зовет меня Творец...» (78).

В «Гласе возрожденной Ольги...» *отходящая душа Святослава* (= Павла I) также хочет понять, что произошло:

«Где я? – что сделалось со мною? –
Но омрак мой минул! – он тяжек.
Куда лечу? – а там – кого я вижу? –
Там – одаль – в сфере светлых теней, –
Не тень ли матери? – да удалюся! –
Духов согласных поищу! –
Зрю, как главою покивает,
И глумным оком зрит она! –
Прости, брегов Днепровских дочь!
Я отхожу; – прости на веки!» (55)

Автор «триптиха» стремится соотнести события человеческой, посюсторонней истории с космическим миропорядком, вывести некий всеобщий историософский «закон тождества». Из хаоса, сопровождающего переход от старого года / времени к новому, возникает гармония, и изменениям в мире горнем должны соответствовать изменения в мире дольном: смена веков / эпох необходимо сопровождается смертью одного и «рождением» другого правителя. В «Гласе возрожденной Ольги...» эта мысль выражена сжато и отчетливо в образах механического движения:

«Старец.

Владыки нет...
 Да, – нет его; – мне шепчет дух. –
 Едва минувший век пал в бездну,
 И лег с другими в ряд веками;
 То Князь – туда ж за ним вослед. –
 Едва лишь возгремел над нами
 В горящей юности сей век, –
 Век скрипнув медным колесом
 Погнался в мрак *грядущей дали*,
 А пламенные миры по тверди
 В гармоний новой двинулись плавно;
 Князь, – томный князь взглянул на них, –
 Вдохнул, – вдохнул в последний раз» (53–54).

В стихотворении «Ночь» бобровская космогония предстает в более развернутой и детализированной форме. После рассказа о смерти властителя поэт рисует открывшуюся его духовному взору картину смены «веков»:

«Таков, вселенна, век твой новый,
 Несущий тайностей фиал!
 Лишь век седой умереть готовый
 В последни прошумел, – упал, –
 И лег с другими в ряд веками, –
 Он вдруг фиалом возгремел
 И, скрипнув медными осями,
 В тьму будущего полетел» (76).

«Власть веков неодолимых» охватывает и мир природы:

«Тут горы, высясь к облакам,
 И одночасные пылины
 Носимые в лучах дневных,
 С одной внезапностью судьбины
 Дрогнувши исчезают в миг», –

и мир людей:

«Одни падают из тварей зримых;
 Другие восстают потом. –
 Тогда и он с последним стоном,
 В Авзоньи, в Альпах возгремев,
 И зияя гром над Албионом,
 Уснул; – уснул и грома гнев» (77–78).

Дух (Павла I) уходит к Творцу – так заканчивает стихотворение «Ночь».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная трудность, с которой, как кажется, столкнулся Бобров в «триптихе» о Павле I и примыкающих к нему стихотворениях, состояла в том, чтобы совместить устоявшуюся в «высоких» жанрах и не подлежащую пересмотру «официальную» историософему Всеблагого Провидения, покровительствующего России, с трагическими и «неблагими» реалиями российской истории. Выполнить эту задачу ему отчасти удалось благодаря обращению к идее *творящего Духа*. В устоявшиеся историософские парадигмы – ортодоксальный христианский провиденциализм и утопические представления гуманистов и просветителей о разумной, упорядочивающей и гармонизирующей деятельности монархов – она привнесла динамическое начало и момент непредсказуемости. В свою очередь русская поэзия, еще в середине XVIII века открывшая «превратность» человеческих судеб и всевластие случая, обогатилась к 1800-м годам целостной историософской концепцией, вобравшей в себя поэтику «страшного» и «таинственного».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бобров С. Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. Т. 1 / Изд. подгот. В. Л. Коровин. М.: Наука, 2008. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.
- ² Ломоносов М. В. Ода Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Феодоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, Всемилоостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъятие истинных радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. С. 753.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон Т. Е., Петров А. В. Одические версии «общественного договора» в России XVIII века // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 406–424.
2. Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
3. Державин Г. Р. Разсуждение о лирической поэзии или об оде // Державин Г. Р. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1984. С. 273–356.
4. Коровин В. Л. Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М.: Academia, 2004. 319 с.
5. Петров А. В. Духовидческие стихи С. С. Боброва на кончину императрицы Екатерины II // Libri Magistri. 2015. Вып. 2. Русская поэзия в контексте мировой культуры. С. 18–26.
6. Петров А. В. Поэты и История: Очерки русской художественной историософии: XVIII век: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 268 с.
7. Петров А. В. Художественная историософия Г. Р. Державина // Вестник МаГУ. 2010. Вып. 12. С. 3–11.
8. Петров А. В., Постникова Е. Г. Послания «на Новый год» поэта-духовидца С. С. Боброва // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 1. С. 72–80.
9. Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. С. 85–123.
10. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.
11. Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М.: Чарли, 1996. 540 с.

Поступила в редакцию 28.08.2019

Aleksey V. Petrov, Doctor of Philology, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
alexpetrov72@mail.ru

Svetlana V. Rudakova, Doctor of Philology, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
rudakovamasu@mail.ru

MYTH OF THE TSAR'S MURDER ON MARCH 11, 1801, IN SEMYON BOBROV'S POEMS

The article analyzes three poetic, spiritual, and historical works of Semyon Bobrov (one of the poorly researched authors of the turn of the XIX century), devoted to the motif of the Tsar's murder on March 11, 1801: "The voice of the resurrected Olga crying out to her son Svyatoslav", "Night" and "Gala morning". Historiosophical questions, as well as the basic historiosophemes and mythemes used by the author are considered. Bobrov is one of few poets of the specified period who ventured to write about the tragic March events, of which the majority was even afraid to think. Bobrov created a triptych about the murdered Emperor Paul I; his works are distinguished by the fact that they combine historiosophemes, traditional for high genres, for example, the All-Merciful Providence patronizing Russia, with the tragic unmerciful realities of Russian history. Bobrov was able to do so by introducing Creative Spirit into his texts. Bobrov's holistic historiosophical concept enriched the literature of the beginning of the XIX century with the poetics of the "terrible" and "mysterious".

Keywords: historiosophy, Bobrov, historiosophemes, spiritualist, mythopolitics, mythopoetics

Cite this article as: Petrov A. V., Rudakova S. V. Myth of the Tsar's murder on March 11, 1801, in Semyon Bobrov's poems. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.437

REFERENCES

1. Abramzon T. E., Petrov A. V. Odic versions of the "social contract" in XVIII-century Russia. *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5. No 2. P. 406–424. (In Russ.)
2. Alekseeva N. Yu. Russian ode. Development of the odic form in the XVII and the XVIII centuries. St. Petersburg, 2005. 369 p. (In Russ.)
3. Derzhavin, G. R. A discourse on lyric poetry, or on the ode. *Derzhavin G. R. Selected prose*. Moscow, 1984. P. 273–356. (In Russ.)
4. Korovin V. L. Semyon Sergeyevich Bobrov: Life and creative work. Moscow, 2004. 319 p. (In Russ.)
5. Petrov A. V. S. S. Bobrov's visionary verses on the departure of the Empress Catherine II. *Libri Magistri*. 2015. No 2. P. 18–26. (In Russ.)
6. Petrov A. V. Poets and History: Essays on Russian art historiosophy: XVIII Century: Monograph. Magnitogorsk, 2010. 268 p. (In Russ.)
7. Petrov A. V. Artistic historiosophy of G. R. Derzhavin. *MSU Bulletin*. 2010. Issue 12. P. 3–11. (In Russ.)
8. Petrov A. V., Postnikova E. G. Poet-visionist S. S. Bobrov and his letters on New Year's Eve. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences*. 2018. Vol. 20. No 1. P. 72–80. (In Russ.)
9. Pogosjan E. The delight of the Russian ode and the theme of the poet in Russian panegyric of 1730–1762. Tartu, 1997. P. 85–123. (In Russ.)
10. Tynjanov Yu. N. Ode as an oratorical genre. *Tynjanov Yu. N. Poetics. History of literature. Cinema*. Moscow, 1977. P. 227–252. (In Russ.)
11. Schilder N. K. Emperor Paul the First. Moscow, 1996. 540 p. (In Russ.)

Received: 28 August, 2019